

Р.В. Фурцев

Кризис и распад Венецианской священной лиги 1495 года

В статье анализируется начальная фаза Итальянских войн, вызванных вторжением французских войск на Апеннинский полуостров и повлекших за собой радикальное изменение политического ландшафта в Италии. Международная коалиция, созданная в 1495 году для отражения французской угрозы итальянским государствам, из-за многочисленных политических противоречий между ее членами на деле показала низкую эффективность и в итоге прекратила свое существование.

Ключевые слова: Италия; империя; война; политика; Священная лига.

В современных условиях евроинтеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и развития европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Конец XV века стал важным рубежом в истории Европы: на смену Средневековью приходит Новое время. В этот период изменяются границы, формируются новые коалиции, происходит кардинальная перестройка политического ландшафта. Итальянская кампания короля Франции Карла VIII в 1494–1495 годах привела к слому старого порядка на Апеннинском полуострове и обусловила вмешательство европейских держав, объединившихся в марте 1495 года в Венецианскую священную лигу для отражения французской интервенции. Этот альянс в составе Испании, Милана, Венеции, папы и главы Священной Римской империи Максимилиана I Габсбурга положил начало формированию политической системы равновесия в Европе и обозначил конец средневекового императорского универсализма. Но в результате, несмотря на широко заявленные цели и задачи и солидный состав участников, лига на деле показала собственную неэффективность, главными причинами которой явились обструкционистская позиция имперских сословий и значительные разногласия в стане союзников, что было вызвано их разнонаправленными интересами. Кроме того, свою роль в подрыве единства антифранцузского альянса сыграл и провальный исход военной кампании, проведенной Максимилианом I в Италии в 1496 году.

Однако, несмотря на очевидные неудачи, Габсбург не желал признавать результат своего итальянского похода окончательным поражением, считая такой исход скорее неприятным инцидентом, и ни на минуту не думал о том, чтобы оставить Италию французам. Обновление лиги и ее адаптация к изменившимся реалиям — вот к чему он стремился в тот момент. И по-прежнему

восстановление имперских прав на Апеннинском полуострове служило приоритетной целью его политики наряду с защитой итальянских государств от французских посягательств. Как позднее сам монарх напишет в своей автобиографии, он искал пути и средства, дабы навсегда обезопасить Италию.

Уже весной 1497 года Максимилиан I намеревался возобновить боевые действия на бургундском участке фронта, чтобы с помощью лиги довести до конца свой «большой план» 1496 года — разгромить и уничтожить Францию. Однако он так и не сумел ни побороть недоверие и скептицизм союзников, ни, самое главное, преодолеть сопротивление имперских сословий. Даже ближайшие соратники короля осознавали бесперспективность его политики, направленной на перманентную конфронтацию с Францией. Тем не менее глава империи в тот период принципиально отвергал идею заключения с Карлом VIII перемирия, не говоря уже о полноценном мире [1, с. 167–168].

Позиция немецких князей и фактическое бессилие империи обесценивали значение лиги в глазах итальянцев. И сам государь никак не мог помешать этому процессу. А мощное французское национальное государство, напротив, обладало куда большей притягательной силой. Ведь у империи, где процветал партикуляризм, даже не было постоянной армии, в то время как консолидированная французская держава оказывала все более сильное влияние на своих соседей. Даже папа Александр VI, известный ранее как ярый антагонист Карла VIII, едва Габсбург покинул пределы Италии, начал политику сближения с могущественной державой [4: № 7780]. Проблемы монарха в отношениях с Венецией дополнительно усугублялись трениями по поводу владений Герццского графства во Фриуле. Сюда же добавлялся спор о принадлежности Пизы, служивший источником напряжения в отношениях Максимилиана I, Флоренции и Милана с Республикой Святого Марка.

Таким образом, Священная лига в 1497–1498 годы уже была лишена реального содержания, хотя внешне посредством периодических громких заявлений, звучавших главным образом из уст главы империи, создавалась видимость ее единства. Карл VIII поступал разумно, сдерживаясь и не давая себя спровоцировать, и мало кто из итальянцев теперь всерьез верил рассказам Габсбурга о неминуемой французской угрозе. Фактически Максимилиан I до известной степени смог удержать в сфере своего прямого влияния лишь Миланское герцогство, существование которого в тот период более чем когда-либо зависело от его милости [6: с. 109].

Тем не менее монарх все еще упорно не желал отказываться от лиги как инструмента для устрашения своего основного внешнего противника. Даже скованный в своей политике действиями сословной оппозиции, он не устал в течение 1497 года побуждать Испанию и Милан к нападению на Францию [4: № 5213]. Рьяные же попытки Габсбурга добиться расширения состава участников лиги за счет включения в нее Флоренции и Неаполя разбивались о непреклонное сопротивление Республики Святого Марка.

Но, несмотря на то что Максимилиан I в резких выражениях иногда угрожал итальянцам бросить их на произвол судьбы в противостоянии с Францией, удержание государств полуострова в орбите политического влияния империи являлось квинтэссенцией его политики. Он неуклонно отвергал неоднократные предложения французов о разделе Италии между тремя державами (Францией, империей и Испанией) [4: № 5929], хотя, вполне возможно, что германский монарх просто сомневался в их искренности. Кроме того, любая инициатива, последствием которой могло бы стать умаление прав империи и авторитета кайзера, казалась ему нетерпимой. А если, не дай бог, французский король получит в свое распоряжение хотя бы часть ресурсов Италии, то тогда ни одно европейское государство не будет более чувствовать себя в безопасности перед Францией. Максимилиан I был абсолютно уверен, что в таком случае французский монарх непременно заявит свои претензии на императорскую корону. Поэтому Габсбург после своего возвращения в Германию из итальянского похода 1496 года постоянно призывал Испанию и итальянцев начать превентивную войну с Карлом VIII, к которой позднее присоединилась бы и империя. Очевидно, наученный горьким опытом Максимилиан I вел себя осмотрительнее: он избегал давать четкие гарантии по участию империи в гипотетической войне в условиях жесткого политического противостояния между ним и сословиями, надеясь, что на волне возможных военных успехов союзников немецкие князья станут более сговорчивыми и захотят сами поучаствовать в разделе добычи.

В целом можно сказать, что вплоть до лета 1498 года на имперских и итальянских границах царило относительное затишье. Тревогу вызывало лишь положение дел на восточных рубежах, где с каждым годом нарастала турецкая угроза. Итальянский вопрос, казалось, потерял былую остроту в обстановке, когда явно ощущалась усталость противоборствующих сторон от беспрерывной конфронтации.

Однако политическая ситуация разом изменилась, когда в Европе распространилось известие о скоростижной кончине Карла VIII, наступившей 7 апреля 1498 года [4: № 6086]. Максимилиан I моментально уловил открывшиеся перед ним перспективы в связи с этим событием. После долгих месяцев покоя его воинственный дух снова пробудился: теперь он задумывался о том, как ввергнуть Францию в пучину хаоса и помешать упорядоченному престолонаследованию, ведь со смертью Карла VIII пресеклась прямая линия династии Валуа.

Максимилиан I поспешил созвать послов участников Священной лиги: сейчас, мол, самый подходящий момент, чтобы раз и навсегда избавить Италию от французской угрозы. В этой связи, по мнению главы империи, необходимо было предпринять ряд первоочередных шагов: восстановить суверенитет Бургундии и выдать вдову Карла VIII Анну Бретонскую замуж за испанского принца, дабы снова отделить Бретань от Франции и противопоставить

Людовику XII сильного соперника [4: № 6090]. Несмотря на противодействие и уговоры сопровождавших его имперских князей, Максимилиан I буквально уцепился за эту идею и начал активно разрабатывать планы ее осуществления. Вскоре он отрядил своих эмиссаров во Францию с целью потребовать возвращения утраченных им бургундских областей.

Однако на французский престол вступил куда более ловкий и прозорливый политик, нежели Карл VIII — Людовик XII, бывший герцог Орлеанский, представлявший боковую ветвь Валуа. Его восшествие на престол означало активизацию внешней политики Франции и имело далеко идущие последствия для взаимоотношений главы империи с французской монархией. В течение короткого промежутка времени ему удалось в значительной степени консолидировать свою власть внутри страны. Без лишних церемоний он развелся со своей первой женой и женился на супруге своего предшественника, Анне Бретонской [4: № 6081], и, значит, сохранил единство королевства. Умело ведя переговоры с бургундским эрцгерцогом Филиппом и монархами Англии и Испании, Людовик XII раз за разом добивался дипломатических успехов, постепенно изолируя Максимилиана I на европейской политической арене. Разумеется, получив всю полноту власти в свои руки, он не замедлил напомнить о давних претензиях Орлеанского дома на Милан. Более того, Людовик XII не побоялся самовольно взять себе титул герцога Миланского и публично заявил о своих притязаниях на Ломбардию [4: № 8606]. Итак, позабытая тем временем французская угроза вновь обрела вполне конкретные очертания.

В этих обстоятельствах Максимилиан I счел целесообразным перестроиться и принять упреждающие меры по защите спорных бургундских территорий [7: с. 42]. Он активно побуждал испанцев и итальянцев выступить против Франции и объявил о призыве имперских воинских контингентов, параллельно поручив герцогу Саксонскому ведение переговоров с Людовиком XII [4: № 8645]. Эти переговоры продлились до июля 1498 года, но ни к чему не привели. Если Габсбург рассчитывал мобилизационными мероприятиями испугать правителя Франции и тем самым склонить его пойти на уступки, то он глубоко заблуждался. Вскоре стало совершенно ясно, что для возвращения «его земель» ему придется вступить в войну с могущественным западным соседом.

Но для начала военных действий, тем более против Франции, Максимилиан I, как и в случае с итальянским походом 1496 года, не мог обойтись без финансовой поддержки со стороны союзников по лиге. В период между 3 и 20 мая 1498 года германский монарх, ведя непрерывные переговоры с итальянскими союзниками, пытался добиться от них предоставления необходимой материальной помощи. При этом он настаивал на заключении специальных двусторонних соглашений, хотя порядок оказания взаимопомощи уже регулировался договором о создании лиги 1495 года. Габсбург требовал в общей сложности 200 тыс. дукатов субсидий на организацию вторжения во Францию

с территории Бургундии. Максимилиан I указывал на то, что итальянцам, дескать, очень выгодно за такие довольно небольшие деньги вовлечь французского короля в войну, которая моментально «разгрузила» бы папу, Милан и Венецию. К тому же готовность итальянских союзников оказать содействие служило для кайзера дополнительным козырем, чтобы обеспечить поддержку своему проекту со стороны имперских князей, прежде всего Альбрехта Саксонского, которого он намеревался назначить верховным капитаном в предстоящей кампании. В течение 20 дней Габсбург ожидал получить от итальянцев конкретный ответ на свою инициативу. В случае отрицательного ответа монарх пригрозил отдать Италию под власть французов, что ему якобы уже давно советуют сделать, в первую очередь князья и бургундский эрцгерцог Филипп [4: № 6160]. Эта угроза должна была наглядно продемонстрировать союзникам всю серьезность намерений короля. Но итальянцы уже устали от «беспрестанных требований о предоставлении финансов и беспорядочного акционизма Максимилиана I» [5: с. 171].

Между тем уже начали вырисовываться противоборствующие коалиции. В то время как глава империи старался всеми способами прочнее сплотить итальянцев перед лицом общей опасности и не упускал из вида испанцев, также осыпая их настойчивыми просьбами о предоставлении помощи, Венеция решительно перешла на сторону Франции. Как подчеркивает итальянский историк Р. Чесси, несмотря на все прежние декларации, венецианское правительство сразу после восшествия на трон Людовика XII отказалось от конфронтации с Францией и пошло навстречу французским устремлениям. И это при том, что из-за непосредственной близости к зоне конфликта притязания нового монарха Франции на Ломбардию таили для республики несравненно большую опасность, нежели претензии Карла VIII на Неаполь [2: с. 472–473].

Вслед за венецианцами от немецкого монарха дистанцировались и испанцы, тайно подготавливавшие сепаратный мир с Францией. Более того, они уже в открытую озвучивали идеи о разделе Неаполитанского королевства, дабы по крайней мере не уйти из Италии ни с чем. И напрасно Максимилиан I старался помешать заключению франко-испанского договора, ссылаясь на «вечное братство между домами Испании, Австрии и Бургундии». Проигнорировали испанцы и его предложение о проведении в Бретани совместной операции силами испано-имперских войск, к которой он также тщетно пытался подключить англичан [4: № 6236, № 6363].

Равным образом и папа Александр VI, оценив реалии сложившейся ситуации, все более склонялся к миру с Францией, постепенно подготавливая свой выход из рядов лиги. Он не только вступил в серьезные переговоры с Людовиком XII, но и активно отговаривал Максимилиана I от войны с Францией [6: с. 110]. Хотя подобно тому, как он вел себя в 1496 году, понтифик и сейчас расточал красивые щедрые обещания, но ни на минуту не задумывался об их выполнении.

Тем временем Венеция, рассчитывая на покровительство Людовика XII, вознамерилась расширить подвластную себе территорию и уже нацелилась на захват ряда городов в Романье и нанесение удара по Пизе. В свою очередь, миланский герцог Лодовико Моро был настолько озлоблен стремительно развивающейся не в его пользу политической обстановкой, что стал публично угрожать наслать на Венецию турок [4: № 8668].

Таким образом, Священная лига формально хоть и не была распущена, но существовала скорее номинально. Из всех союзников фактически лишь правитель Милана по-прежнему сохранял верность главе империи. В то же время немецкие князья настоятельно предостерегали Максимилиана I не связываться с итальянцами: он, дескать, получит от них только «чертову благодарность» [4: № 6321]. В общем, в Италии снова повторилась ситуация 1496 года. Как сам монарх еще в феврале 1498 года жаловался в беседе с испанским послом Фуэнсалидой, «немцы полагаются на итальянцев, испанцы рассчитывают на Австрию, в то время как Австрия надеется на империю, Испанию и Италию». Каждый, мол, боится в итоге оказаться в проигрыше и поэтому предусмотрительно держится в стороне. По уверению Габсбурга, этим рано или поздно непременно воспользуются французы, напав на Италию либо Испанию, причем, вероятнее всего, в тот момент, когда Австрия и империя будут заняты ведением военных действий на внешних фронтах [4: № 5898].

Несмотря на то что Максимилиан I при каждом удобном случае старался выказать свое почтение Венеции и заручиться ее поддержкой, отношения между ним и Республикой Святого Марка неуклонно ухудшались. Этому способствовало наличие целого ряда разногласий, разделявших обоих политических игроков. Сначала это был договор об обмене территорий, заключенный монархом с последним графом Герцским, Леонардом, в феврале 1497 года. Данное соглашение ясно обозначило желание Максимилиана I прибрать к своим рукам все так называемое Герцское наследство. Кроме того, венецианцы всерьез опасались, что Габсбург все-таки решится пойти с Францией на раздел Италии и при этом захватит их континентальные владения (*terra ferma*). К тому же он назначил маркграфа Мантуи, Франческо Гонзаго, уволенного со скандалом с венецианской службы из-за различных махинаций, генерал-капитаном Италии [7: с. 41]. Но особенно болезненно правительство Венеции воспринимало тот факт, что Максимилиан I и миланцы блокировали республике доступ к Пизе в стремлении вернуть этот город под власть Флоренции. Естественно, на позиции Венеции отражались и ее, так скажем, плохие отношения с Лодовико Моро, ближайшим союзником Максимилиана I. Поэтому она не имела ничего против того, если бы французы ликвидировали власть Сфорцы в Милане, главное — успеть отхватить свою долю при возможном переделе Ломбардии. Ведь, как показали события последних лет, империю в качестве сюзерена и покровителя миланского герцога не стоило бояться.

По всем этим причинам Венеция планомерно отмежевывалась от лиги и соответственно, союза с главой империи, чтобы открыто перейти во французский лагерь. Что в принципе неудивительно, поскольку «из двух зол для Италии — французской или немецкой гегемонии — для республики было более терпимым главенство Франции, так как оно меньше диссонировало с элементарными потребностями венецианской политики на Апеннинах» [2: с. 511]. Кроме того, если Карл VIII никогда не скрывал своего отвращения к «республике торгашей», то Людовик XII, наоборот, изъявлял готовность идти навстречу венецианским интересам, особенно после того как Максимилиан I потребовал от него возвращения бургундских земель и предоставления гарантий безопасности Милану. Новый французский монарх принял венецианцев с распростертыми объятиями: якобы стоит им только заключить альянс с могущественной Францией и они могут спать спокойно.

Людовик XII отдавал себе ясный отчет в том, что для завоевания Милана ему жизненно необходима поддержка со стороны Республики Святого Марка. Поэтому его коронационное уведомление в адрес Венеции уже изобиловало любезностями и заверениями в дружбе, и синьория не преминула тут же отправить в Париж спецмиссию. Ведь как для Людовика XII, так и для Венеции «Милан был как бельмо в глазу». Поэтому «в обмен на щедрую корректировку восточной границы герцогства» синьория была не прочь поддержать французского короля «в завоевании его законного наследства» [5: с. 168].

И все это происходило на фоне заморозки дипломатических сношений с главой империи и полной отстраненности от участия в работе лиги. Политические трения и комплекс нерешенных проблем в Италии теперь буквально толкали Венецию в стан союзников Франции. Хотя, справедливости ради, стоит отметить, что мнение по этому вопросу в правящей элите республики отнюдь не было единодушным. На заседаниях Сената разворачивались долгие и ожесточенные дебаты между сторонниками прежней политики и апологетами нового курса [7: с. 44]. Максимилиан I же был вынужден беспомощно наблюдать за постепенным дрейфом Венеции в сторону Франции. Ни политическими инициативами, ни угрозами он был не в состоянии повернуть вспять этот процесс. Хуже всего для него было то обстоятельство, что папа, вдохновленный примером венецианцев, решил последовать по их пути.

Вина за распад лиги косвенно лежит и на эрцгерцоге Филиппе, юридически, правда, не являвшемся членом альянса. Хотя, по представлениям Максимилиана I, Нидерланды, формально находившиеся под имперским суверенитетом, уже по факту своей принадлежности к империи автоматически включались в состав участников союза. Тем более что одной из главных целей лиги было как раз отвоевание утраченных бургундских областей. Однако Филипп не разделял политических идей и амбиций отца. Порой дело даже доходило до бурного выяснения отношений между ними. И когда после смерти Карла VIII Максимилиан I категорически потребовал от Людовика XII вернуть спорные территории, Филипп вопреки

всем ожиданиям не только не поддержал претензии главы империи, но и вступил с французским монархом в переговоры, увенчавшиеся подписанием 20 июля 1498 года Парижского мира [4: № 8719]. А Людовик XII добился еще одной победы на дипломатическом фронте: 5 августа того же года в Маркусси испанцы заключили мир с Францией [4: № 8742].

Последующая короткая кампания, проведенная Максимилианом I против Франции в Бургундии и Шампани в период с конца июля и до середины октября 1498 года, происходила на фоне упорного сопротивления рейхстага военным мероприятиям монарха за пределами империи и в очередной раз обнаружила слабость имперского войска перед боевой мощью французов. В результате Венеция и папа окончательно утвердились в правильности своего решения пойти на союз с Францией. Аналогичным образом повели себя и швейцарцы, которые в условиях растущего напряжения в их отношениях с Тиролем и членами Швабского союза нуждались в поддержке со стороны Франции. 16 марта 1499 года они заключили с Людовиком XII пакт о взаимопомощи сроком на десять лет [4: № 13064]. А разразившаяся в январе 1499 года и продлившаяся вплоть до сентября того же года Швейцарская война, где кантонам противостояла имперская армия, составленная главным образом из австрийцев и швабов, уже после первых боестолкновений со всей очевидностью продемонстрировала превосходство сплоченного противника, особенно если он пользуется поддержкой Франции, перед разрозненным имперским войском. И это несмотря на то, что швейцарцы численно уступали сопернику. В итоге этот конфликт закончился подписанием 22 сентября 1499 года Базельского мира [4: № 13763], в котором идея швейцарской независимости получила свое первое официальное признание со стороны империи [1: с. 168].

Дипломатические и военные успехи французов в противоборстве с главой империи придали темп переговорному процессу между Венецией и Францией, официально стартовавшему в августе 1498 года. Еще в ноябре синьория фактически согласилась удовлетворить пожелания Людовика XII и, в частности, дать ему карт-бланш на захват Милана. Так что, по аналогии с тем, как в свое время обвиняли Лодовико Моро в призвании Карла VIII в Италию в 1494 году, можно сказать, что теперь уже венецианцы потворствовали новому приходу французов на полуостров [6: с. 112]. И неудивительно, что в самой республике находились силы, противодействовавшие подобной политике. Но Людовик XII сумел подстегнуть рвение венецианцев, распространяя информацию о том, что он якобы одновременно ведет переговоры с Максимилианом I, который, мол, предложил французам разделить на двоих территорию Милана и Республики Святого Марка [4: № 12901]. Как ни странно, таких рассказней хватило, чтобы заставить замолчать в Сенате противников сближения с Францией и побудить синьорию к скорейшему принятию финального решения. Невольно задаешься вопросом: а разве власти республики не догадывались, что становились инструментом в руках французской монархии — опаснейшего врага свободы Италии?

К началу февраля 1499 года стороны выработали и отшлифовали окончательные формулировки договора, который был представлен в готовом виде 8 февраля в Анжере и затем ратифицирован Людовиком XII 15 апреля в Блуа. Согласно этому документу, провозглашались «вечный мир» между Францией и Венецией и свобода торговли для купцов обеих стран на территории друг друга. Венеция обязалась поддержать французов значительными военными силами (не менее 1,5 тыс. рейтаров и 7 тыс. ландскнехтов) до полного завоевания Миланского герцогства. Однако республика освобождалась от этого обязательства в случае, если она подвергнется нападению со стороны Османской империи. Если Максимилиан I будет находиться в состоянии войны с Францией, то Венеция должна была сама атаковать Милан. А если же произойдет немецкая агрессия против республики, то французский монарх обязывался незамедлительно прийти ей на помощь. Как было сказано в тексте соглашения, в счет компенсации за военные расходы и для обеспечения безопасности Венеции Людовик XII пообещал передать ей всю область Кремоны с рядом соседних крепостей. Примечательно, что венецианцы категорически отвергли идею короля Франции о включении папы в состав участников переговоров. Ему было лишь предоставлено право позднее присоединиться к договору. Итальянский исследователь Ф. Эрколе характеризует это соглашение как «роковую, непоправимую ошибку» венецианцев, которые «соблазнились представившейся им возможностью удовлетворить свои старые устремления к территориальным приращениям на полуострове» [3: с. 85].

Тем самым вялотекущий процесс выхода Республики Святого Марка из состава лиги подошел к своему логическому завершению. Антифранцузский альянс юридически более не существовал. Венеция пробила «ужасную и непоправимую брешь в концепции свободы Италии», что стало одним из шагов на пути «дальнейшей европеизации итальянской проблемы» с катастрофическими последствиями для самой республики [2: с. 473]. Де-факто Италия была отдана на произвол Франции. Ведь франко-венецианский пакт был направлен не только против Милана: Людовик XII выторговал себе полную свободу действий и в отношении Неаполя, Феррары, Флоренции, Мантуи, Болоньи, Пезаро и Форли. Именно с этого момента отсчитывается многовековой период заката свободы итальянских государств. К сожалению, «трагический опыт 1494 года ничему не научил итальянские государства — по крайней мере, те из них, поддержки которых добивался французский монарх». Они в очередной раз «поддались иллюзии, что смогут доминировать в той игре, к которой их побуждал в собственных, а не в их интересах король Франции» [3: с. 84–85].

С лета 1498 года Людовик XII также вел активные переговоры с папой. Дабы быстрее заручиться поддержкой понтифика, король предложил его сыну Чезаре Борджа, который к тому времени как раз отказался от духовного сана и соответственно от кардинальского достоинства, руку французской

принцессы и в качестве приданого герцогство Валанс и викариат над Авиньоном. Взамен Людовик XII получил от Александра VI папское разрешение на развод со своей первой женой и на брак с вдовой Карла VIII, королевой Анной. Помимо этого королевский министр Жорж д'Амбуаз был произведен в кардиналы. Тем самым была заложена основа тесного политического сотрудничества между Святым престолом и Францией на ближайшие годы [5: с. 170].

Александр VI почувствовал те выгоды, которые сулил ему союз с французской монархией, прежде всего в деле создания собственного семейного государства во главе с Чезаре — его первоочередной политической задачи. «Сохранить папский престол любой ценой и использовать его для семьи — обе эти цели диктовали одну и ту же политику папы Борджа, альтернатив которой не было» [5: с. 104]. Поэтому-то он без лишних колебаний последовал примеру венецианцев и дистанцировался от альянса с главой империи. Невзирая на упреки испанских и немецких послов, неоднократно требовавших от него от имени своих государей объяснений по поводу его профранцузской политики, беззастенчивого nepотизма и светских порядков в курии, папа упорно шел к новым политическим горизонтам, даже если первое время он еще пытался продолжать прежнюю политику заигрывания с Максимилианом I. Пока его нунций Кьерегати, пребывая в ставке главы империи, всеми силами бился за сохранение лиги, Александр VI, стараясь скрыть свои подлинные намерения, в течение нескольких месяцев не давал ему четких инструкций. Когда же Габсбург догадался об истинных мотивах действий понтифика, то в свойственной ему гневной манере пригрозил апостолическому князю схизмой и неповиновением империи Святому престолу. И даже если, дескать, немецкие князья не согласятся с ним, то как минимум родовые земли откажутся повиноваться римскому первосвященнику. Но угрозы Максимилиана I не производили на понтифика особого впечатления. Хотя гегемония Франции на Апеннинском полуострове, безусловно, не отвечала жизненным интересам Александра VI, но он словно предчувствовал надвигающуюся катастрофу и хотел заранее перестраховаться. Определенную роль в изменении его политического курса сыграли и его стремительно ухудшавшиеся отношения с Лодовико Моро. Несмотря на то что новый альянс Святого престола с Францией так и не был оформлен юридически, тем не менее Александр VI вплоть до своей смерти стойко придерживался его, ведь, по его словам, «Людовик XII любит нашего Чезаре и призван сокрушить миланскую династию» [6: с. 112].

В то время авторитет Максимилиана I в Европе опустился до критически низкой отметки. У итальянских же государств не было иного выбора, кроме как подчиниться французскому диктату. В итоге империя практически лишилась всякого влияния на политическую ситуацию на Апеннинях. Все это означало крах монаршей политики в том виде, как ее наметил себе Габсбург, начиная со своего восшествия на престол империи в 1493 году. Среди христианских

государей папа теперь явно отдавал приоритет французскому королю, и именно ему Александр VI был готов предоставить руководство в планируемом Крестовом походе против турок. Публично понтифик заявлял о том, что Людовик XII призван быть светским главой христианского мира. Таким образом, перспектива получения Максимилианом I императорской короны оказывалась под большим вопросом. И такое положение дел напрямую вытекало из его внешнеполитических неудач.

В результате можно с уверенностью констатировать, что этот раунд битвы за главенство в Италии однозначно был выигран Францией. Людовику XII удалось занять лидирующие позиции в Европе и кардинальным образом изменить расклад сил на европейской политической арене, ускорив переход на сторону Франции бывших членов антифранцузской лиги — Венеции, папы и Испании.

Литература

1. *Фурцев Р.В.* Проблема политической гегемонии в Европе и попытка ее решения в ходе Итальянских войн // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8. С. 166–172.
2. *Cessi R.* Storia della repubblica di Venezia. Firenze: Giunti Martello, 1981. 824 p.
3. *Ercole F.* Da Carlo VIII a Carlo V. La crisi della liberta italiana. Firenze: Vallecchi, 1932. 409 p.
4. Regesta Imperii XIV: Ausgewahlte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519. Bd. 2/bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
5. *Reinhardt V.* Alexander VI. Borgia. Der unheimliche Papst. Munchen: Beck, 2011. 279 p.
6. *Wiesflecker H.* Maximilian I. Die Fundamente des habsburgischen Weltreiches. Wien-Munchen: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1991. 424 p.
7. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitats-Buchhandlung, 1909. 128 p.

Literatura

1. *Furcev R.V.* Problema politicheskoy gegemonii v Evrope i popy'tka ee resheniya v xode Ital'yanskix vojn // Al'manax sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2012. № 8. S. 166–172.
2. *Cessi R.* Storia della repubblica di Venezia. Firenze: Giunti Martello, 1981. 824 p.
3. *Ercole F.* Da Carlo VIII a Carlo V. La crisi della liberta italiana. Firenze: Vallecchi, 1932. 409 p.
4. Regesta Imperii XIV: Ausgewahlte Regesten des Kaiserreiches unter Maximilian I. 1493–1519. Bd. 2/bearb. von H. Wiesflecker. Wien-Koln-Weimar: Bohlau-Verlag, 1993. 788 p.
5. *Reinhardt V.* Alexander VI. Borgia. Der unheimliche Papst. Munchen: Beck, 2011. 279 p.
6. *Wiesflecker H.* Maximilian I. Die Fundamente des habsburgischen Weltreiches. Wien-Munchen: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 1991. 424 p.
7. *Wolff M.* Die Beziehungen Kaiser Maximilians I. zu Italien 1495–1508. Innsbruck: Wagner, schen Universitats-Buchhandlung, 1909. 128 p.

R. V. Furtsev

The crisis and the collapse of the Venetian Holy League of 1495

The article analyzes the initial phase of the Italian Wars, caused by the invasion of the French troops on the Apennine Peninsula and resulted in a radical change in the political landscape in Italy. The international coalition, created in 1495 to ward off the French threat to the Italian states, because of the numerous political contradictions conflicts among its members actually showed low efficiency and as a result ceased to exist.

Keywords: Italy; empire; war; politics; Holy League.